

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1984

Г. Ф. БЛАГОВА

ЯЗЫКОВОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ В ТИМУРИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПО ДАННЫМ АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пространственное изучение языковых явлений в тюркологии было начато Е. Д. Поливановым и В. А. Богородицким. В конце 20-х и в 30-е годы Е. Д. Поливанов, заложивший научные основы узбекской диалектологии, предложил одну из первых классификаций узбекских диалектов и говоров, основываясь на пространственном факторе в распределении языковых явлений. Этот фактор учитывался ученым при изучении исторических миграций огузских и кыпчакских племен в юго-восточном регионе (Средняя Азия и сопредельные с ней тюркоязычные районы Северо-Восточного Ирана и Афганистана). Это позволило Е. Д. Поливанову разработать теорию огузской миграции в Средней Азии¹.

В настоящее время интерес к теории огузской миграции возрос в связи с проводимыми ареальными исследованиями тюркских языков Средней Азии и Кавказа². На обширном языковом материале прослеживается перемещение мощной сельджукской волны, продвигавшейся в XI—XIII веках в Закавказье и Малую Азию, что нашло отражение «в тех общих изоглоссах, которые регистрируются в диалектах азербайджанского, туркменского, турецкого языков, вытянутых в линию, идущую с Востока на Запад»³.

Вместе с тем целый ряд вопросов, связанных с огузской миграцией в Средней Азии и примыкающих к ней районах, остается открытым. Среди них — вопрос о том, сохранились ли следы языковых контактов с мигрирующей сельджукской волной помимо туркменского языка, еще и в других языках Средней Азии? Более широко эта проблема может быть сформулирована как изучение исторических взаимоотношений тюркских языков и диалектов юго-восточного региона в средние века. Решению ее должно способствовать применение картографирования и последующая интерпретация полученных изоглосс.

В настоящее время крайне необходимым является проведение комплексных этно-лингвистических ареальных изысканий, совершенствование и дальнейшее развитие приемов и техники картографирования⁴. Между тем в ареальных исследованиях по тюркским языкам пока

¹ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 25 и сл.; *его же*. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1, Ташкент, 1935, стр. 13—14 и сл. Подробнее о роли трудов и идей ученого в развитии ареальных исследований по тюркским языкам см.: Г. Ф. Благова. Е. Д. Поливанов и тюркская ареальная лингвистика. — «Советская тюркология», 1981, № 1.

² Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975, стр. 13 и сл.

³ Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979, стр. 250.

⁴ См.: сб. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974.

еще не уделяется должного внимания вопросам картографирования. В этих исследованиях либо излагаются умозрительные представления о пространственном распределении языковых явлений (а собственно ареаграфический материал отсутствует), либо же читателю предлагаются синтетические карты. Этот тип карт, дающих картографическое отображение языкового явления в изучаемом регионе, относится к области лингвистической географии. Синтетические карты являются одним из источников проведения ареальных исследований: они могут лечь в основу последующего этапа картографирования — построения аналитической карты, предполагающей предварительное вычленение различительных признаков изучаемого явления и их картографирование⁵. Аналитическая карта используется в тех случаях, когда необходим «показ структурных разновидностей явления» в пространстве⁶.

Составление аналитической карты подразумевает схематичное представление пространства, ориентированного по странам света, с минимальной географической нагрузкой. На аналитическом уровне, как правило, не требуется равномерной плотности лингвистической карты и, следовательно, для такой карты она является излишней. Приближенное изображение на аналитическом уровне однородного множества изменяющихся в пространстве величин⁷ в литературе именуется по-разному: «ареаграфический материал», «рисунок», «схематическая карта», «картосхема». Аналитические картосхемы широко используются и в лингвистической географии, и в ареальной лингвистике как отечественной, так и зарубежной⁸.

Применение приемов картографирования к имеющемуся в распоряжении тюркологов богатейшему материалу по диалектологии среднеазиатских тюркских языков позволяет проследить языковые процессы, происходившие много веков тому назад. Использование всей совокупности приемов и методов ареальной лингвистики дает возможность при изучении исторических контактов тюркских языков юго-восточного региона не ограничиваться только областью книжно-письменных языков, но реконструировать также взаимоотношения средневековых народно-обиходных языков. В плане изучения исторических языковых контактов результативным оказалось предпринятое ареальное обследование системы склонения в тюркских языках и диалектах Средней Азии и некоторых прилегающих к ней территорий⁹.

Контакты между сельджукидским Хорасаном (Северо-Восточным Ираном и Западным Афганистаном) и Мавераннахром (областями, расположенными между Амударьей и Сырдарьей, а также севернее Сырдарьи) имеют длительную историю. Хотя интересы Сельджукидской державы в Малой Азии требовали притока свежих сил из Хорасана, однако, это не препятствовало ей расширять свои восточные пределы за счет Мавераннахра¹⁰. При последнем «великом Сельджукиде» сул-

⁵ «Проблемы картографирования...», стр. 37—39.

⁶ «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 241.

⁷ К. А. Салищев. Картоведение. М., 1976, стр. 290, 291.

⁸ См.: А. Dauzat. Les Patois. Evolution — classification étude avec 7 cartes. Paris, 1946, стр. 67, 74, 131; «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 242, 244 и сл.; «Русская диалектология». М., 1964; М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии. М.-Л., 1966, стр. 47—193; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии». М., 1970, стр. 87—115, 265—268; А. Dees. Atlas des formes et constructions des chartes françaises du 13-e siècle. Tübingen, 1980.

⁹ Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982.

¹⁰ Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941, стр. 24, 26.

тане Санджаре (ум. в 1157 г.) эти земли фактически были подчинены контролю сельджукидского Хорасана. С конца XIV и до начала XVI века Мавераннахр и Хорасан входили в состав Тимуровой державы, когда, по словам В. А. Гордлевского, «происходил частичный отлив огузов — обратное движение на восток», в Среднюю Азию¹¹. Как отметил в свое время историк-медиевист А. Я. Якубовский, Хорасан «в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией»¹².

Лингвонсторические исследования Г. Дёрфера показали, что в средневековом Хорасане был распространен один из тюркских языков — восточносельджукский огузский язык, по своим классификационным признакам занимавший промежуточное положение между турецким и азербайджанским, с одной стороны, и туркменским — с другой. По мнению ученого, восточносельджукский язык имел прямое отношение к предыстории османотурецкого языка. Современные тюркские говоры на территории Северо-Восточного Ирана Г. Дёрфер именует хорасанотюркскими, возводя их к средневековому восточносельджукскому огузскому языку. По его мнению, хорасанотюркский язык вместе с туркменским составляет восточную ветвь языков огузской группы¹³. А. П. Поцелуевский, обративший внимание на необычный для туркменского языка факт, а именно на то, что «в словах с окончанием на гласный звук в диалектах пограничной с Ираном полосы: анаули, хасар, нохурли употребителен аффикс (дательного падежа. — Г. Б.) -*üä/-üe/...*»¹⁴, наметил тем самым зону интерференции этих двух восточноогузских языков.

Естественно предположить, что между двумя областями Тимуровой державы, которые были населены тюркоязычными народностями и связаны между собой экономически, политически и культурно, существовали также языковые контакты. Однако вопрос о контактировании между собой средневековых живых тюркских языков и диалектов Мавераннахра и Хорасана в науке пока не ставился. Правда, в исторической тюркологии давно уже обсуждаются и исследуются близкие к этой тематике вопросы, связанные с влиянием чагатайского книжно-письменного языка на османотурецкий язык; при этом, естественно, имеются в виду письменные фиксации языка, определенный круг письменных памятников¹⁵.

В этой связи естественен вопрос: как можно изучать взаимодействие между живыми средневековыми тюркскими языками и диалектами двух областей державы Тимура, если оно находилось на уровне прямого речевого общения носителей этих языков и диалектов? Думается, что ключ к решению проблемы можно найти в материалах современной тюркской диалектологии юго-восточного региона при соблюдении сле-

¹¹ Вл. Гордлевский. Указ. раб., стр. 43, прим. 7.

¹² «История народов Узбекистана». Т. I, Ташкент, 1950, стр. 14.

¹³ G. Doerfer. Das Chorasantürkische. — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. 1977», Ankara, 1978, стр. 131—133, 192—195.

¹⁴ А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 107.

¹⁵ См.: М. Mansuroğlu. Das Altosmanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Т. I, Wiesbaden, 1959; его же. Anadoluda Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi. — «Türk dili ve edebiyatı araştırmaları», IV, 3, İstanbul, 1951; О. F. Sertkaya. Osmanlı şâirlerinin Çağatayca şiirleri. — «Türk dili ve edebiyatı dergisi» [İstanbul üniversitesi edebiyat fakültesi], cilt XVIII. İstanbul, 1970, стр. 133—138. В. Г. Гузев полагает, что среднеазиатское влияние проявляется только в стихах Джеляледдина Руми и Султана Веледа (см.: В. Г. Гузев. Краткий обзор исследований по языку тюрок Малой Азии XIII—XVI вв. — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 83). Г. Дёрфер отмечает большое значение, которое имеет для старой истории османского языка хорасанотюркский, относимый им к подгруппе восточноогузских языков (см.: G. Doerfer. Указ. раб., стр. 131).

дующих методически необходимых условий. Во-первых, это отбор материала, важного в классификационном отношении. Во-вторых, выявление пространственной упорядоченности отобранного материала с помощью картографирования и последующее обобщение полученных изоглосс приемами ареальной лингвистики. Как известно, лингвистическая карта признается «одним из основных источников познания народно-разговорных диалектных форм речи разных языков — от языков с давней письменной традицией до языков младописьменных и бесписьменных»¹⁶. При соблюдении перечисленных условий историку языка удастся заставить «заговорить» прежде разрозненные и, казалось бы, незначительные факты.

Рассмотрим формы склонения, традиционно относимые к классифицирующим признакам тюркских языков¹⁷.

В современном узбекском языке, в диалектах и говорах центрального Узбекистана дательный падеж имеет показатель *-ga/-ka* для имен, оканчивающихся как на гласный, так и на согласный (*ata-ga, at-ka*). Вместе с тем в ряде пунктов центрального Узбекистана диалектологами отмечен дательный на *-ja* для имен на гласные (*ata-ja*).

Эти наблюдения диалектологов, за неимением публикаций по тюркской диалектографии юго-восточного региона, рассматривались в качестве важных источников ареального исследования¹⁸ и анализировались в соответствии с разработанными нами принципами описания тюркского склонения¹⁹. Вычлененные в результате этого специфические признаки разных типов тюркского склонения картографировались. Аналитическое картографирование типов тюркского склонения (с нанесением на картосхемы различительных признаков этих типов) осуществлено нами в монографии «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)» (М., 1982). В соответствии с принятыми нами упомянутыми принципами описания тюркского склонения, проводился дифференцированный показ пространственного распределения дательного на *-ja* по парадигмам склонения — именной, посессивно-именной и местоименной. В этих целях при картографировании были приняты следующие условные обозначения, обеспечивающие компактность изображения. За дательным падежом закреплен цифровой знак 3; соответственно за местным падежом — цифра 4, за дательным местным падежом — сложный цифровой знак 3×4. Именной парадигме присвоен буквенный индекс А, местоименной парадигме — индекс М. Разным частям посессивно-именной парадигмы присвоены следующие индексы: 1-го — 2-го лица единственного и множественного числа — индекс Б, 1-го — 2-го лица единственного числа — индекс б, 3-го лица — индекс В. Специфичность варианта форматива дательного падежа *-ja* для склонения огузского типа подчеркивается за счет наличия подстрочной цифры 2 при буквенно-цифровом индексе (т. е. 3А₂).

Вторым этапом работы явилось изоглоссирование специфических

¹⁶ М. А. Бородина. Лингвистическая география и ее значение для исследования тюркских языков. — «Проблемы современной тюркологии», Алма-Ата, 1980, стр. 95.

¹⁷ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, стр. 55; *его же*. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 64; *его же*. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 287; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 118 и сл.; *его же*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 244 и сл.; G. Doerfer. Указ. раб., стр. 132, 194.

¹⁸ Подробнее об источниках ареального исследования в тюркологии см.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 9 и сл.

¹⁹ Г. Ф. Благова. К теории тюркского склонения. — «Советская тюркология», 1978, № 5.

огузских форм склонения. Прилагаемая картосхема 1, на которой это изоглоссирование осуществлено, построена на основании ранее выполненного нами аналитического картографирования типов тюркского склонения²⁰.

В ряде пунктов центрального Узбекистана отмечена огузская форма дательного падежа на *-ja* для имен, оканчивающихся на гласный: *boläjä* 'ребенку', *tüjäjä* 'верблюду' (подобные формы при изоглоссировании обозначаются — *3A₂*). На основании сведений, извлеченных из диалектологических работ, изоглосса *3A₂* на картосхеме проведена от Шахрисябза на юго-западе, верхней и нижней Кашкадарьи, Карши и Касана, Карнаба на западе Самаркандской области через Джизак, Ниязбаш, Ташкент, Пскент до Намангана, Андижана, Коканда на восток²¹.

Дательный на *-ja* принадлежит к числу форм склонения огузского типа, причем эта форма характерна не только для туркменского, но также для азербайджанского, турецкого, гагаузского языков. Дательный на *-ja* по Г. Дёрферу является одним из важных различительных признаков, по которому в юго-восточном регионе хорасанотюркский противопоставляется туркменскому языку. Опираясь на наблюдения А. П. Поцелуевского и исследование Г. Дёрфера, изоглоссу дательного на *-ja* на Среднем Востоке мы провели через территорию распространения хорасанотюркского языка (Северо-Восточный Иран) и пограничных с ним южнотуркменских говоров (Нохур, Маныш, Хасар). На крайнем западе Узбекистана изоглосса дательного на *-ja* проходит через Хиву, Хазорасп, Ургенч²².

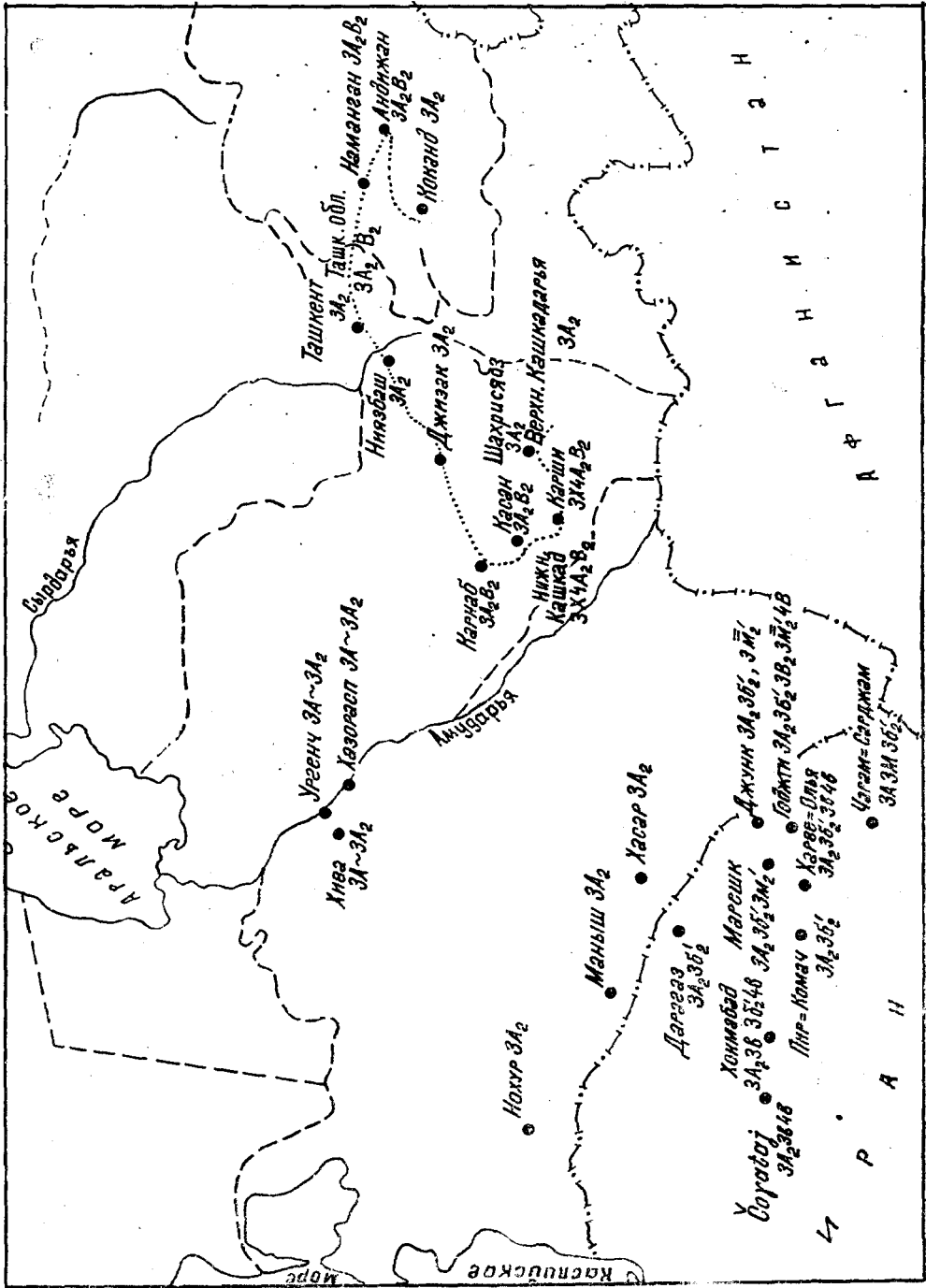
Третий этап изучения включил анализ и трактовку характера распространения изоглосс дательного на *-ja* на территориях как центрального Узбекистана, так и Северо-Восточного Ирана. На этом этапе проводятся сравнительное изучение и учет следующих картографических характеристик изоглосс дательного падежа на *-ja*, построенных на различных участках картосхемы 1.

Во-первых, учитывался характер распределения каждой из таких изоглосс на разных территориях. На картосхеме 1 видно, что изоглосса дательного на *-ja* (*3A₂*), хотя она и окаймляет обширные территории центрального Узбекистана, представляет собой полузамкнутую изоглоссу. Она проходит через Коканд, Андижан, Наманган — на востоке, Ташкент и Ташкентскую область (населенные пункты Пскент, Сыдж-

²⁰ Предварительное аналитическое картографирование различительных признаков тюркского склонения представлено в работе: Г. Ф. Благова. Об ареальных системно-тематических исследованиях по грамматике тюркских языков (Падежное склонение). — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 23—28.

²¹ Изоглоссирование производилось на основании сведений, извлеченных из следующих работ: Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка (Фонетико-морфологический очерк). Ташкент, 1964, стр. 82, 83; Б. Жўраев. Юкори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969, стр. 23, 110, 114 и сл.; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1962, стр. 271, 272; А. Шерматов. Узбек халқ шеваларидан текстлар. Тошкент, 1975, стр. 42, 43 и сл.; *его же*. Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972, стр. 46; *его же*. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, стр. 23, 25, 141; *его же*. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1960, стр. 19, 26; «Узбек диалектологиясидан материаллар». I. Тошкент, 1957, стр. 86; II, 1960, стр. 183, 265; Н. Раджабов. Карнабский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Самарканд, 1958, стр. 10; Н. С. Гафурова. Ниязбашинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1962, стр. 14; «Тошкент области ўзбек шевалари (Фонетика, морфология, лексика, синтаксис)». Тошкент, 1976, стр. 34—35; А. Ю. Алиев. Наманганская группа говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1975, стр. 62; А. Маматов. Андижанский городской говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1964, стр. 19; С. Иброҳимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи (Фонетика ва морфология). Тошкент, 1967, стр. 84.

²² См.: В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси, стр. 209.

Картохема I.

это
 ол-
 ло-
 ор-
 ый:
 ро-
 из
 от
 и
 ак,
 на
 го
 ак-
 ый
 и-
 о-
 П.
 на
 ия
 с
 ем
 зу,
 с-
 ак
 м-
 а-
 н-
 их
 са
 и
 с-
 е,
 к-
 ов
 о-
 у-
 о-
 ж
 н
 а.
 в.
 I.
 г-
 т
 ),
 ),
 .

джак, Ниязбаш), Джизак, Карнаб в Самаркандской области, Касан, Карши, низовья и верховья р. Кашкадарьи, Шахрисябз — на юго-западе. Замкнутой является изоглосса $3A_2$ в Южном Хорезме, где Хазораси, Хива и Ургенч объединены ею в один небольшой изолированный ареал. В Северо-Восточном Иране и пограничных с ним районах Южной Туркмении с помощью изоглоссы $3A_2$ вычленяется обширная зона, не только окаймленная, но и как бы пронизанная в разных направлениях этой изоглоссой. В Северо-Восточном Иране дательный на *-ja* зарегистрирован в населенных пунктах Шайх-Таймур, Боджнурд, Зеярат, Ширван, Кучан, Шурак, Лотфабад, Дарагаз, Доугаи, Джунк, Годжги, Марешк, Лангар, Чарам, Рухабад, Харве-Олья, Пир-Комач, Карабаг, Солтан-абад, Хокмабад, Чогатай, Калат, Асадли. В Южной Туркмении это населенные пункты Хасар, Маныш Ашхабадской области, Нохур Бахарденского района, Байрам-Алийский район.

Во-вторых, учитывалась компактность — некомпактность распространения дательного на *-ja* на изучаемых территориях. В Северо-Восточном Иране налицо компактная зона, включающая в себя также пограничные районы Южной Туркмении (Нохур, Маныш, Хасар). На других территориях в Средней Азии дательный на *-ja* не составляет столь обширной и компактной зоны. В центральном Узбекистане изоглосса дательного на *-ja* не компактна, поскольку она, по сути дела, лишь окаймляет зону, начиная от Шахрисябза — на юго-западе, верхней и нижней Кашкадарьи, Карши и Касана, Карнаба — на западе Самаркандской области, через Пскент и Ташкент к Намангану, Андижану, Коканду — на востоке. Такой же окаймляющий характер, не позволяющий говорить о компактности, эта изоглосса имеет на территориях Южного Хорезма.

В-третьих, учитывалось положение зон и ареалов, вычленяемых на указанных территориях с помощью изоглоссы $3A_2$, по отношению друг к другу, а также конфигурация изоглосс в каждой из зон. Оказалось, что изоглосса дательного на *-ja* для имен на гласный располагается на севере Южного Хорезма и в центральном Узбекистане на восток от хорасанотюркской зоны. Конфигурация зоны, очерчиваемая этой изоглоссой в центральном Узбекистане, характерно вытянута с юго-запада на восток, что указывает на продвижение дательного на *-ja* в этом направлении.

С точки зрения лингвистической географии такое истолкование конфигурации изоглоссы $3A_2$ в центральном Узбекистане, равно как и положения зоны, очерчиваемой здесь этой изоглоссой, по отношению к соответствующей зоне в Северо-Восточном Иране, вполне допустимо. Препятствием к такому истолкованию не может служить отсутствие фиксаций дательного на *-ja* на довольно обширном пространстве, разделяющем эти две зоны. Дело в том, что лингвистической географии известны по крайней мере два способа распространения инноваций: это «медленное, постепенное распространение и более быстрое перенесение из центра на периферию, минуя ряд промежуточных пунктов»²³. А. Бах, различая эти два способа продвижения языковых форм из центра наиболее интенсивного их распространения, писал: «Как правило, наступающие издали языковые элементы, перескакивают через широкие пространства, чтобы завоевать отдельные „точки прицела“ городских коллективов, откуда они... проникают на подчиненную им территорию...»²⁴. Тот способ, при котором языковые явления как бы «перелетают» из

²³ М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии, стр. 161.

²⁴ См.: сб. «Немецкая диалектография». М., 1955, стр. 130.

центра своего распространения на другие территории, П. Гардетт образно назвал «парашютажем»²⁵.

В-четвертых, учитывалась тотальность распространения дательного на *-ja* (то есть, когда нет вариантов в данной фонетической позиции) — отсутствие такой тотальности (то есть наличие вариантов формата дательного падежа в данной фонетической позиции, характерных для системы склонения неогузского типа). В хорасанотюркском все именные основы, оканчивающиеся на гласный, регулярно получают в дательном падеже аффикс *-ja*. Между тем в любом из узбекских говоров, локализуемых в перечисленных выше населенных пунктах центрального Узбекистана, дательный падеж на *-ja* представляет собой всего лишь одну из вариантных форм, причем далеко не самую распространенную. Типичным является положение, например, в шахрисябзском говоре узбекского языка, где для основ на гласный распространено варьирование *-ja~ga* (*ättäjä/ättägä* 'завтра', *hämmäjä/hämmägä* 'всем')²⁶.

В-пятых, принималось во внимание отсутствие — наличие изменений в характере семантики и функционирования формы на *-ja* на разных языковых территориях. В хорасанотюркском (Северо-Восточный Иран) и южнотуркменских говорах дательный падеж имеет форму на *-ja*, как и в турецком, азербайджанском, гагаузском языках. Иное положение наблюдается в тех говорах узбекского языка, где произошла контаминация дательного и местного падежей (в ряде этих говоров наблюдается также контаминация родительного и винительного падежей). В шахрисябзском, каршинском, нижнекашкардарьинских говорах узбекского языка форму на *-ja*, *-je* имеет дательный-местный падеж²⁷. На юго-западе центрального Узбекистана, таким образом, проходит изоглосса $3 \times 4A_2$ — производная от $3A_2$, но не тождественная ей.

В-шестых, учитывалась сочетаемость дательного (или дательного-местного) падежа на *-ja* с формами склонения того или иного типа на различных территориях. В тюркоязычных районах Северо-Восточного Ирана дательный на *-ja* органично и закономерно выступает наряду с другими падежными формами огузского типа, образуя непротиворечивую систему склонения. То же следует сказать о пограничной с Ираном полосе Южной Туркмении.

Для характеристики распространения изучаемой изоглоссы на центральных территориях Узбекистана важно подчеркнуть, что ею охвачены в основном говоры с четко выраженным карлукским типом склонения (за исключением Карнаба, говор которого характеризуется смешанными формами кыпчакско-карлукского типа), а конфигурация этой изоглоссы здесь в значительной мере приближается к очертаниям границ центральной зоны распространения карлукского типа склонения. В центральном Узбекистане дательный на *-ja* ($3A_2$) выступает наряду с инотипными формами склонения карлукского типа: дательный на *-ga* после аффиксов принадлежности ($3B$, $3B'$), отсутствие «вставочного» *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица в локальных падежах, в том числе в дательном и местном падежах ($3B$, $4B$). (Отметим, что на юго-востоке за пределами изоглоссы $3A_2$ остаются группа говоров фер-

²⁵ P. Gardette. Deux itinéraires des invasions linguistiques dans le domaine Provençal. — «Revue de linguistique romaine», t. XIX, № 75—76, 1955, стр. 183—196. Аналогичные высказывания о двух способах продвижения языковых явлений от центра к периферии см.: K. Baldinger. Kontribution à une histoire des provincialismes dans la langue française. — Там же, t. XXI, № 81—82, 1957, стр. 62—92.

²⁶ Б. Джуроев. Шахрисябзский говор узбекского языка, стр. 83.

²⁷ Б. Джуроев. Указ. раб., стр. 82—83; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка, стр. 25—26; Б. Жўраев. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари.

ганского диалекта узбекского языка и говоры уйгуров ферганской долины).

Такой характер сочетаемости дательного на *-ja* с классифицирующими признаками склонения различных типов на разных языковых территориях указывает на то, что для хорасанотюркской зоны дательный на *-ja* может считаться исконной чертой, а для центральноузбекистанской зоны — это инновация, возникшая в результате исторического влияния восточносельджукского огузского языка Хорасана на язык тюркоязычного населения Мавераннахра.

В-седьмых, обращалось внимание на наличие — отсутствие связанных изоглосс дательного падежа именной, посессивно-именной и местоименной парадигм. В Северо-Восточном Иране дательный на *-ja* именной парадигмы (после имен на гласный $3A_2$) закономерно сопряжен с дательным на *-ja* в посессивно-именной парадигме — после аффиксов принадлежности 2-го лица единственного числа ($3B'_2$: *älijä* 'к тебе') и 3-го лица единственного и множественного числа ($3B_2$: *älijä* 'к нему' — без «вставочного» *-n-*) — и в местоименной парадигме ($3M'_2$ — *-ja* для местоимений 1-го и 3-го лица единственного числа: *mäjä* 'мне', *u-ja* 'ему'; 'тому' и для указательного местоимения единственного числа *bu* 'это': *bu-ja* 'этому')²⁸. Все эти изоглоссы очерчивают здесь достаточно компактную зону, а связанные изоглоссы $3A_2$ и $3B'_2$ проходят в Северо-Восточном Иране через населенные пункты Чарам, Харве-Олья, Пир-Комач, Хокмабад, Марешк, Годжги, Джунк, Дарагаз.

В центральном Узбекистане в таких узбекских говорах крайней южной и западной его части, как карнабский, нижнекашкарьинские, каршинский, шахрисьбзский, дательный-местный на *-ja* отмечается как в именной парадигме ($3 \times 4A_2$), так и в посессивно-именной парадигме 3-го лица ($3 \times 4B_2$; например: *uj-i-ja* 'к себе домой', 'у себя дома'). Однако по мере продвижения на восток от этого окраинного ареала, образуемого изоглоссой $3A_2$ и дополнительно изоглоссой $3 \times 4B_2$ (Карнаб — Касан — Нижняя Кашкадарья — Карши — Шахрисьбз), в глубь центрального Узбекистана дательный на *-ja* после аффикса принадлежности 3-го лица встречается значительно более разрозненно. Дательный на *-ja* зафиксирован в именной парадигме и в посессивно-именной парадигме 3-го лица (то есть изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$) в узбекском говоре одного из населенных пунктов Ташкентской области (Пскент), а также в андижанском городском и наманганском «умлаутном» говорах (*osmon-a* 'в небо', *ogpu-ja* 'на свое место')²⁹.

Таким образом, изоглосса $3B_2$ (или $3 \times 4B_2$) на территории центрального Узбекистана лишь частично совпадает со связанной изоглоссой $3A_2$ (или $3 \times 4A_2$), не повторяя ее конфигурации: в восточной части этой территории изоглосса $3B_2$ представлена в виде отдельных точек (Пскент, Андижан, Наманган). Получается, как мы видим, что изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$, исходящие из хорасанотюркской зоны склонения огузского типа, по мере отдаления от этого центра иррадиации и продвижения на восток в компактной центральноузбекистанской зоне склонения карлукского типа утрачивали связь друг с другом. В результате, продвинувшаяся на восток изоглосса $3A_2$, лишилась поддержки изоглоссы $3B_2$, то есть иррадирующее воздействие юго-западной зоны огузского типа

²⁸ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 163, 165, 166.

²⁹ «Ташкент области ўзбек шевалари», стр. 35; А. Маматов. Указ. раб., стр. 19; А. Ю. Алиев. Указ. раб., стр. 62.

склонения проявилось здесь слабее, чем на более близких к ней территориях Шахрисябза, Карши, Касана, Карнаба³⁰.

Такой размытый характер распространения связанных изоглосс $3B_2$ и $3 \times 4B_2$ в центральном Узбекистане позволяет охарактеризовать эти территории как периферийные по отношению к центру, то есть компактному и равномерному распространению изоглосс $3A_2$, $3B_2$, $3B_2$. На картосхеме 1 отчетливо видно, как, преодолевая большие расстояния, ослабевала сила иррадирующего воздействия хорасанотюркского центра (см. непрерывную изоглоссу $3 \times 4B_2$ только на крайнем юго-западном участке центральноузбекистанской зоны распространения изоглосс $3 \times 4A_2$ и $3A_2$).

Весьма знаменательно, что посредством миграционной изоглоссы $3A_2$ ($3 \times 4A_2$) на территории современного Узбекистана выделена часть тех говоров, языковые истоки которых были представлены там в средние века, а носители их имели языковые контакты с жителями Хорасана, носителями восточносельджукского огузского языка. Получается, таким образом, что с помощью миграционной изоглоссы $3A_2$ на территории современного Узбекистана вычленяется историческая центральная зона распространения склонения карлукского типа.

По характеру языковых контактов с Хорасаном, запечатленных в современном Узбекистане изоглоссами $3A_2$ ($3 \times 4A_2$) и $3B_2$ ($3 \times 4B_2$), вычлененная центральная зона имеет историческую глубину, исчисляемую, по крайней мере, не менее чем шестью веками.

Исторические связи центральной зоны Мавераннахра с хорасанотюркской зоной подтверждаются тем, что языковое влияние этих зон было обоюдным. Присутствие чагатайской администрации, наличие чагатайского войска в Хорасане отразилось в топониме *Soyataj* — одном из населенных пунктов, где живут современные носители хорасанотюркского языка.

Не менее важно отметить, что в хорасанотюркской зоне на фоне абсолютного преобладания форм склонения огузского типа отмечаются формы карлукского типа — дательный на *-ga* для имен, оканчивающихся на гласный ($3A$), и для местоимений ($3M$), а также местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-* ($4B$). Специфичная для хорасанотюркского форма дательного на *-ja* после аффикса принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-* ($3B_2$) возникла, по-видимому, также не без влияния соответствующей формы склонения карлукского типа ($3B$), то есть $al-i-ga \rightarrow al-i-ja$.

Соответствующими изоглоссами на картосхеме 1 очерчиваются изолированные микроареалы, в которых законсервировано языковое воздействие тюркоязычного населения Мавераннахра на восточносельджукское население Хорасана. Наиболее показателен в этом отношении населенный пункт Годжги, который по совокупности трех разнотипных изоглосс — огузского дательного падежа на *-ja* для имен на гласный ($3A_2$), дательного падежа на *-ja* без «вставочного» *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица ($3B_2$) и карлукского местного падежа без «вставочного» *-n-* в тех же условиях ($4B$) — составляет один такой изолированный микроареал. Этот микроареал в Северо-Восточном Иране типологически подобен исторической центральноузбекистанской зоне по

³⁰ Заслуживает быть особо отмеченным то, что обе изоглоссы — $3A_2$ и $3B_2$ — проходят через населенный пункт Карнаб Самаркандской области. Карнабский говор узбекского языка ученые относят к среднеузбекской группе говоров (см.: Н. Раджабов. Указ. раб., стр. 16). Между тем, склонение в этом говоре имеет смешанный кыпчакско-карлукский характер. Изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$, свойственные смешанному склонению карлукско-кыпчакского типа в карнабском говоре, могут служить подтверждением гипотезы о сравнительно раннем формировании этого говора (там же, стр. 2).

сочетанию разнотипных изоглосс — дательного падежа $3A_2 \sim 3A$, $3B_2$, $3M$, а также местного падежа $4B$ (последняя из них — одна из тех, которые в совокупности противопоставляют карлукский тип склонения всем остальным типам).

Таким образом, препарирование материалов, полученных современной тюркской диалектологией, путем вычленения различительных признаков изучаемого языкового явления по языкам и говорам, последующее картографирование этих различительных признаков (то есть построение аналитической карты) и их изоглоссирование, а затем интерпретация изоглосс с помощью приемов и методов ареальной лингвистики позволяют восстановить, казалось бы, навсегда утраченное звено в языковой истории тюркоязычных народов Средней Азии и Северо-Восточного Ирана. Тем самым подтверждается справедливость утверждения, что даже начальное представление конфигураций и пространственного соотношения языковых единиц дает объективный и показательный материал для выдвижения гипотез по истории языков изучаемого региона³¹.

ЛЕГЕНДА К КАРТОСХЕМЕ 1

- $3A$ — дательный падеж имен типа *kiši-ga*.
 $3A_2$ — дательный падеж имен типа *ata-ja*.
 $3B_2$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 2-го лица единственного числа, типа *älijä* (вместо *äliñä*).
 $3B$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *äligä*.
 $3B_2$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *älijä*.
 $3в$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица при наличии «вставочного» *-n-*, типа *älinä*.
 $3M'$ — дательный падеж местоимений типа *mäjä* 'мне', *uja* 'ему'.
 $3 \times 4A_2B_2$ — дательный-местный падеж на *-ja-* для «чистых» имен и имен с аффиксами принадлежности 3-го лица (без «вставочного» *-n-*), типа *ujijä*, *älijä*.
 $4B$ — местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *älidä*.
 $4в$ — местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица при наличии «вставочного» *-n-*, типа *älinä*.

³¹ См.: М. А. Бородина. О закономерностях пространственного распределения тюркских языков. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции», Алма-Ата, 1976, стр. 18.

Э. А. УМАРОВ

О ГЛАСНОМ $o < a$ В СТАРОУЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Одним из сложных и спорных вопросов исторической фонетики староузбекского языка является вопрос о существовании в тюркских словах XV—XVIII веков гласного широкого ряда o , заместившего в них общетюркский a ¹. Вопрос этот имеет принципиальное значение, поскольку отмечается широкая употребительность этого гласного в стихах староузбекских поэтов: *aitmoq* 'говорить', *aldamoq* 'обманывать', *acišmoq* 'пощипывать', 'вызывать жжение', *oşaşa* 'служанка', *oqmoq* 'течь', 'протекать', *oq* 'белый', *oʻgʻir* 'тяжелый', *oʻgʻmoq* 'склоняться', *oʻgʻiq* 'боль', *oʻy* 'яд', *qoʻziquloq* 'шавель', *qorqa* 'ворота', *qorlon* 'барс', *qon* 'кровь', *isov* 'трое', *tonuř* 'звук', *qovoq* 'тыква'. Определение подлинной характеристики данного звука крайне важно для уточнения соответствующих вопросов исторической фонетики узбекского языка и транскрипции литературных памятников. Ниже мы остановимся на данных средневековых лексикографических источников, могущих послужить основанием для объективного решения поставленного вопроса.

Материалы староузбекского языка, в первую очередь староузбекско-персидские словари «Бадāи' ал-лугат» Тали Имани² и «Санглах» Мухаммада Мехдихана³, показывают, что в староузбекском языке XV—XVIII веков процесс последовательного развития тюркского a в o еще не отмечался.

В староузбекско-персидских словарях даются развернутые пояснения по точному написанию и произношению нескольких тысяч староузбекских слов, подробно излагается порядок следования звуков в них, что определяет ценность этих словарей как орфоэпических и орфографических пособий. Составители староузбекско-персидских словарей, описывая фонетическую структуру тюркского слова, давали подробную характеристику каждой его фонемы. Любопытно, что никто из них не упоминает о произношении интересующего нас гласного a как o . Этот факт, как нам представляется, может служить весьма существенным доказательством отсутствия в староузбекском языке гласного $o < a$.

Названные словари отличаются своеобразием расположения в них лексического материала. Слова с одной и той же начальной буквой обя-

¹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. — «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929, стр. 67; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 18.

² А. К. Боровков. Бадāи' ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.

³ Sang'lah A Persian Guide to the Turkish language by Muhammad Mahdi Han. London, 1960.

зательно разделяются на три группы: фатховую, заммовую и касровую. К фатховой группе отнесены слова, в которых второй звук обозначен фатхой, то есть *a*. В заммовую группу включаются слова, в которых второй звук передается заммой, то есть *y* или *ŷ*. В касровую группу входят слова, в которых вторым звуком является гласный *u* или *ɛ*.

Отметим, что все слова, которые сейчас пишутся узбекскими текстологами с гласным *o*, в «Бадāи' ал-лугат» и «Санглах» четко отнесены к фатховой группе слов. Например, слово, *الو* 'огонь' в словарях включено в фатховую группу буквы *алиф*. Это значит, что данное слово в XV—XVIII веках произносилось: *alav*. Слово *اس* 'вешай' Тали Имани и Мухаммад Мехдихан также помещают в фатховую группу, что указывает на произношение этого слова в XV—XVIII вв.: *as*. Слово *باش* 'голова' также приводится в фатховой группе: *baš*. Все это позволяет предположить, что подобные слова в староузбекском языке еще произносились со звуком *a*.

Все аналогичные слова, которые по нормам современной орфографии пишутся с гласным *o*, в указанных словарях написаны с гласным *a*.

Например, слово *قالباؤ* 'головной убор' в изданиях исторических памятников, как правило, пишется в форме *qalpoq*:

Sohu tozu xilatikim men tamošo qilyali
Ozbakim bošida qalpoq egnida širdoyi bas⁴.

'К чему мне любоваться короной, драгоценными одеждами шаха,
Достаточно, если у моего узбека будет простая одежда'.

Мехдихан при описании фонетической структуры данного слова совершенно отчетливо указывает на наличие во втором слоге гласного звука *a*:

قالباؤ (275a)⁵ *ba sukuni lam va fathi boi ažami kulohro göyand imitān... qalpaq* — над *l* сукун, *b* персидский (т. е. *p*) с фатхой, означает вообще «головной убор».

Слово *سرتلان* 'гиена' в транскрипциях памятников староузбекского языка также пишется с гласным *o*: *sirtlon*. Но Мехдихан при объяснении фонетической структуры данного слова со всей определенностью указывает на употребление на месте *o* гласного *a*:

سرتلان (251a) *ba sukuni ro va to va nun va fathi lam žonivor ast... sirtlan* — над *r*, *t*, *n* сукун, *l* с фатхой, означает «животное».

Слово *توستوغان* 'чаша для питья кумыса' везде дается в форме *tustuyon*:

Halol ona sutidektur gar özbakim tutsa,
Tobuq qilib jukunib tustuyon ičinda qimiz⁶.

'Если мой узбек, низко склоняюсь,
Преподнесет в чаше кумыс чистый, как молоко матери'.

Составитель староузбекского словаря всюду на месте *o* последовательно проставляет гласный *a*:

توستوغان (766) *ba sukuni sin va nun va zammi toi qarašat va fathi ʔajni möžama közai lulador... tustayan* — над *s* и *n* сукун, *t* с заммой, *ʔ* с точкой фатхой, означает «кувшин».

Слово *اولتانك* 'кожа, которую накладывают на подошвы' в изданиях староузбекского языка пишется в форме *ultong*⁷. Мехдихан при

⁴ Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сигар. Тошкент, 1959, стр. 258.

⁵ Цифры в скобках означают страницу рукописи.

⁶ Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб. Тошкент, 1960, стр. 222.

⁷ «Навоий асарлари лугати». Тошкент, 1972, стр. 624.

описании фонетической структуры данного слова предлагает *t* читать с фатхой, то есть как *ta*:

اولتان (85a) *ba sukuni lam va nun va kofi ažami va fathi toi qara-
šat pusti budki burtax kafš va muza duzand... ultang* — над *l, n, g* сукун,
t с фатхой, означает «кожа, которую накладывают на подошвы».

Слова چيلو 'повод', 'поводья' и چولپان в данное время узбек-
ские текстологи пишут в форме *žilов* и *čölpan*⁸.

Qõlumda bandi žunun tasmasi ne fikr etkai
Parivašeķi, minib dev qõlqa olsa žilov⁹.

'В моей руке конец аркана (от шеи) безумного, не похоже ль это
На пери, севшую верхом на дива и взявшую в руки поводья'.

Фонетическое описание указанных выше слов также свидетель-
ствует о том, что данные слова должны писаться как *žilav, čölpan*:

چيالو (220a) *ba fathi lam va sukuni vov inoni asb bošad... žilav* —
l с фатхой, над *v* сукун, означает «повод»;

چولپان (214a) *ba žimi ažami va sukuni lam va nun va fathi boi aža-
mi bar vazni sultan nomi sitorai bud... čölpan* — *ž* персидский (т. е. *č*),
над *l* и *n* сукун, *b* персидский (т. е. *p*) с фатхой, огласовка по образцу
sultan, означает название звезды.

Слово تاوشالماة в словаре Навои дается как *tovšolmoq*¹⁰. Между
тем его фонетическое описание ясно показывает отсутствие гласного *o*:

تاوشالماة (1656) *ba sukuni vov va lam va fathi žini qarašat hasta va
monda šudan... tavšalmaq* — над *v* и *l* сукун, *š* с фатхой, означает
«утомляться» и «уставать».

Факт отсутствия в староузбекском языке гласного *o < а* подтверж-
дается также следующими примерами из старых словарей.

Составитель «Санглах» Мехдихан подчеркивает, что Навои слово
qanda (2776) употребил в нижеследующем бейте в двух значениях:
1) «где?»; 2) «в крови»; тем самым поэт создал прекрасный образец
поэтического приема, известного под названием *ийхом*:

Navoij qan jaš ičra qarqu jari maj ičib doim
Demiškim rizq ajlabtur kõrung men qanda ul qanda¹¹.

'Навои погружен в кровь, возлюбленная же постоянно пьет вино.
И (он) говорит: жизнь так сделала, смотрите, где я, а где она'.

Этот пример показывает, что слово قان 'кровь' в староузбекском
языке произносилось в форме *qan*. Если бы данное слово произносилось
в XV веке с *o*, тогда поэт не смог бы воспользоваться поэтическим при-
емом *ийхом*, и составитель словаря, естественно, не стал бы на этом
останавливаться. Именно благодаря двузначности слова *qani*: 1) «где?»
и 2) «(ее) кровь» Навои в нижеследующем бейте создал прекрасное
двуступище с игрой слов:

Sariq ayriq böldum, ej soqij hazoni hažr aro
Qani asfar majki, bor har qatrası bir qahrabo¹².

При прочтении с первым значением слова *qani* бейт переводится:

'Я заболел желтухой, о виночерпий, в осени разлуки,
Где желтое вино, в котором каждая капля жемчужина'.

⁸ «Навоий асарлари лугати», стр. 685.

⁹ Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат. Тошкент, 1960, стр. 527.

¹⁰ «Навоий асарлари лугати», стр. 611.

¹¹ При приеме *ийхом* вторая строка может быть понята так: «И говорит, жизнь
так сделала, смотрите, я в крови, а она где».

¹² Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар. Тошкент, 1960, стр. 43.

При втором значении слова *qanī* бейт имеет следующий смысл:

‘Я заболел желтухой, о виночерпий, в осени разлуки,
Кровь — желтое вино, в котором каждая капля жемчужина’.

Еще пример: Тали Имани утверждает, что в следующем бейте Навои, используя двузначность слова *بارماة* (366) — 1) «палец» и 2) «ходить», создал *ийхом*:

*Bardi tišlab barmaqin körgac Navojj holini
Nam hajatu ham ölum kördum aning barmayida*¹³.

‘Когда увидела состояние Навои, пошла прикусить палец,
В ее походке я увидел жизнь и смерть’.

Данное слово именно в форме *barmaq* имеет два значения. Если это слово произносилось бы так, как пишется сейчас — *vogmoq*, то подобная игра слов отсутствовала бы.

Мехдихан при объяснении слова *ايلان* (112a) подчеркивает, что оно имело два значения: 1) «змея» и 2) «связка». Это показывает, что данное слово в XVIII веке произносилось как *ilan*. Если бы это слово произносилось так, как пишется ныне — *ilon*, оно не смогло бы передавать указанные два значения.

В отсутствии в староузбекском языке гласного звука *o < a* можно убедиться также на основании следующих фактов. Мехдихан при описании фонетической структуры ряда слов сопоставляет их с другими, однако точно такими же по размеру и огласовке. Отсутствие в сопоставляемых словах гласного *o* также является одним из веских доказательств высказанного нами предположения. Например, Мехдихан при описании фонетической структуры слова *تانگ* уподобляет его слову, известному своей фонетической структурой как *bang* ‘крик’, ‘возглас’¹⁴: *تانگ* (1646) *bar vazni bang, se mani dorad avval subhro göjang.., dujum ba manii taazžub.., sejum navorigro göjand.. tang* — огласовка по размеру *bang*, имеет три значения: первое — «утро», второе — «удивление», третье — «тесемка».

Если фонетический облик данного слова сходен с *bang*, то слово *تانگ* соответственно должно писаться в современной графике как *tang*.

Остановимся еще на примерах:

أسن (406) *bar vazni rasan jani sahih va solim va ba kasr alif niz mustamalijat.. asan* — огласовка по размеру *rasan* ‘веревка’¹⁵, означает «здоровый» и «невредимый»; данное слово также произносят с алифом касрой — *isan*;

تابان (1516) *bar vazni daman posnai po bud.. taban* — огласовка по размеру *daman* ‘подол’¹⁶, означает «пятки»;

تاو (1656) *bar vazni kav.. ba manij kuh bud.. tav* — огласовка по размеру *kav* ‘выгнутый’¹⁷, означает «гора...»;

چران (210a) *bar vazni xajran oxuro göjand.. žajran* — огласовка по образцу *xajran* ‘изумленный’¹⁸, означает «дикая коза».

Неупорядоченность написания ряда слов является еще одним фактом, подтверждающим отсутствие в староузбекском языке гласного *o < a*.

¹³ При приеме *ийхом* вторая строка может быть понята так: «В ее пальце увидел жизнь и смерть».

¹⁴ «Персидско-русский словарь». М., 1960, стр. 58.

¹⁵ Там же, стр. 245.

¹⁶ Там же, стр. 208.

¹⁷ Там же, стр. 393.

¹⁸ Там же, стр. 182.

Слова باشى 'голова', باغیر 'печень', 'сердце' в старых словарях находятся в фатховой группе слов и, значит, их следует транслитерировать в современной графике как baš и bağir. Заметим, что в настоящее время первое слово везде пишется в форме boš, а второе — bağir. На наш взгляд, приведенные факты со всей очевидностью подтверждают отсутствие в староузбекском языке XV—XVIII веков гласного о, замещавшего тюркский а. Поэтому при транслитерации текстов староузбекских авторов XV—XVIII веков в тюркских словах на месте о везде должно писаться а.
